

Ставицкий А. В.

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ МИФ И ПРОБЛЕМА ОТНОШЕНИЯ К НЕМУ В СОВРЕМЕННОЙ НАУКЕ

Пока миф существует, будут идти и споры о нем, приводящие не только к лучшему пониманию его, но и к крайностям, в основе которых заблуждения, порождающие свои мифы о мифе.

В основе рассмотрения мифа два варианта отношения к нему. В первом случае миф просто недооценивают, пренебрегая им и видя в нем нечто простое, понятное, освоенное, одностороннее. Словом, видят таким, каким хотят видеть, останавливаясь на одном смысле, как правило, буквальном. Во втором - признают, что смысл мифа, его внутреннее содержание ставит в тупик: простое и понятное на одном уровне, оно вдруг становится непостижимым на другом. У каждого из вариантов свои сторонники, но стоит заметить, что если при втором варианте отношения исследователи стараются быть корректными, осторожными в оценках, понимая, что выводы, касающиеся мифа, далеко не однозначны и окончательны, то при первом варианте мы наблюдаем такую одностороннюю категоричность, которая не способствует лучшему пониманию предмета исследования и уводит от поставленной цели. Конечно, каждый может исследовать миф в той степени, в какой он ему понятен, но не стоит забывать, что любая односторонность в исследовании приводит в действие принцип: говорите правду и только правду, но не всю правду, и будет ложь. Следствием такого упрощения или непонимания мифа становится негативное отношение к нему, где миф воспринимается как "враг" (Э. Кассирер) всего позитивного, умного, хорошего, и как результат этого:

- полное отторжение мифа, отношение к нему как к очевидному обману;
- признание за ним права функционировать лишь в рамках патриархальных обществ и литературы;
- признание функционирования мифа в современном обществе, но с исключительно негативными последствиями для него (все тот же обман), и, как следствие - призыв критиковать, разоблачать, развенчивать миф, всеми средствами с ним бороться.

Именно в рамках этих подходов возникло, в частности, мнение, что миф недоступен рационализации или что с точки зрения обычного опыта, приобретенного сознательно, мифы не имеют социального смысла.

Негативное отношение определяет отрицательную оценку и установку на недооценивание и отторжение мифа, его роли в обществе. В основе его обычное непонимание того, что простота мифа обманчива, что характер его воздействия так же сложен и многообразен, как и он сам. И уже поэтому миф не может быть оценен исключительно негативно. Кроме того, отторжение до предела сужает возможности его познания. Действительно, зачем заниматься тем, что свойственно людям примитивным, необразованным, неадекватно воспринимающим реальность, с излишним воображением, большим, склонным к патологии? Но даже, если это болезнь, то человечество должно знать ее, чтобы себя от нее лечить.

Следствием такого отношения к мифу являются попытки сузить поле деятельности мифа:

- архаичным и традиционным обществом или областью литературы;
- сферой подсознания, иррационального (миф несовместим со здравым смыслом, рационализм отторгает миф);
- миром повседневного (т. е. миф аполитичен);
- "тоталитарными режимами" (миф чужд демократии, так как она построена на диалоге, разных мнениях и т. п.);
- "демократическими режимами" (тоталитаризм в отличие от демократии подавляет, а не манипулирует, и потому не нуждается в мифе как средстве влияния на массы);
- уровнем конкретно чувственного восприятия (миф прост, ясен, понятен, конкретен, наивен, какая-либо сложность ему чужда);
- миром искусства, культуры (наука пользуется рациональными методами познания и поэтому она миф отторгает);
- реакционными идеями и политикой (прогресс использует достижения науки, а реакция использует миф).

К числу наиболее спорных утверждений относятся следующие:

1. Миф есть способ примитивного, неразвитого, до-логического восприятия, часть первобытного сознания, свидетельство "детского" уровня восприятия.

В качестве подтверждения этого утверждения обычно приводят вполне логичный довод, что в период тотального господства мифа преобладал уровень такого понимания природы, общества, мира, когда все это по причине неразделенности восприятия представлялось в абсолютном единстве. В результате, миф является способом очеловечивания природы, всеобщей персонификации, представления всеобщего как конкретно чувственного, итогом чего, по мнению Й. Хейзинги, стали в частности, "мифологические спекуляции о происхождении мира и вещей" [1, с. 223].

Нам нет смысла опровергать вышесказанное, поскольку в целом оно соответствует реальности. Но на его основании строится умозаключение о несовместимости мифа со здравым смыслом [2, с. 144], что является явным упрощением и ответной спекуляцией. Довольно наивно так недооценивать миф и его возможности. Не говоря уж об относительности здравого смысла, который понимается по-разному в зависимости от господствующей в обществе традиции и идеологии.

К тому же не стоит забывать, что:

- мир един в своем многообразии, а миф, благодаря неразделенности восприятия, едва ли не единственный способ восприятия, позволяющий это единство сохранить;
- для удобства своего понимания человек научился воспринятое упрощать, отделяя, по его мнению, несущественное, абстрагируясь от того, что мешает "чистоте" понимания, и гордится этим, нередко забывая, что такое удобство понимания уже ведет к искажениям, в котором он оказывается заинтересован. Так, разделяя миф как явление на составляющие, и, тем самым, упрощая его, он уже не способен видеть это явление во всем многообразии его качеств и проявлений;
- миф совершенно бессмыслен за пределами нашего, воспитанного определенной традицией, понимания, ведь, обучая, воспитывая, "ставя" мышление, нам не только давали "метод" для осуществления поставленных задач, но и одедали "шоры". Нас не учили это понимать, а что не понято, то обычно отвергается;
- миф содержит в себе нечто, что отторгалось на одном уровне развития мышления и науки, но принималось на другом (об этом наглядно свидетельствуют, в частности, современные исследования в области квантовой физики, астрофизики и синергетики);
- мифологическое мышление не является чем-то изначально данным в готовом и неизменном виде, и, следовательно, развивается подобно другим способам мышления, соответствующим уже не традиционному, а техногенному обществу, ведь соответствие мифа уровню и характеру развития общества означает соответствие его смыслу.

2. Миф прост, наивен, понятен, так как осмыслен и освоен.

Эту позицию, к сожалению, разделяли многие известные ученые. К их числу относятся такие выдающиеся исследователи, как Й. Хейзинга, называвший характерными особенностями мифа нелепости и абсурд, безмерное преувеличение, смешение пропорций, беззаботные непоследовательности [1, с.213], и А. Ф. Лосев, писавший, что мифы "не содержат в себе никаких специально-философских или философско-метафизических интуиций или учений, хотя на их основании и возникали и могут принципиально возникнуть соответствующие философские конструкции" [3, с.233]. Но можно ли отделить мифы от того, что им соответствует? Можно ли отделить миф от его смысла? Можно ли любое значимое явление воспринимать только в буквальном смысле? Лишенный глубинного смысла миф становится обыкновенной сказкой, хотя и она, как правило, несет в себе некий символический, не ограниченный конкретным сюжетом, смысл (напр.: о борьбе Добра и Зла, о надежде, вере, терпении и настойчивости в достижении поставленной цели и пр.). Мы знаем, что наивность поверхностна и проста, плоскостна; что она не требует напряженной работы ума. И миф этими качествами обладает, ибо он всепроникающ и вездесущ. Но ему присуще и другое, значительно более сложное содержание. Он наивен и мудр, прост и сложен, непосредствен, поверхностен и многослоен, многолик одновременно. Все зависит от отношения к нему и степени его понимания. Но разные подходы в понимании мифов, в зависимости от научной специализации или взятой за основу точки отсчета свидетельствует о том, что познание мифа может быть существенно затруднено. Ведь, несмотря на то, что миф является объектом исследования более двух тысяч лет, его исследователи до сих пор не смогли ни договориться в основных принципах рассмотрения мифа, ни внести ясность в проблему его понимания. Во многом миф все еще является "вещью в себе" и "темная сторона" его остается непознанной. Следовательно, он принадлежит к тем сложным вещам, которые только кажутся простыми. И доказательством этого стали открытия в психологии и семиологии, приведшие к настоящему перевороту в процессе познания мифа, показав, что нельзя понять миф, не приняв изначально богатства его смыслов, что настоящее понимание мифа, его многосмысленности (выражение Р. Барта), еще впереди. И хотя многое в мифе еще не ясно, кажется, вполне уместно утверждение, что миф – не выдумка, не фикция, не идеальное бытие, но диалектически необходимая сущностная категория сознания, жизненно ощущаемая и творимая вещественная реальность, содержащая в себе свою собственную истинность и смысловую структуру (свое собственное понимание реальности). Миф - не фантастика, не идеализм, не наука, не метафизика, но вместе с тем он содержит черты им присущие в той мере, в какой это необходимо для его самореализации. Миф выступает как цель и способ, как форма и содержание, как тема (сюжет) и образ, как знак, символ, смысл, принцип и идеал, не будучи ничем из них в отдельности. Следовательно, характеризуя миф односторонне, скажем, как сказочную, потустороннюю действительность, мы не выясняем его сущность, не видим его универсальности и многообразия, но выражаем лишь свое отношение к нему, а, значит, характеризуем не миф, а только самих себя.

3. Миф – следствие "болезни" человека, общества, его языка. Следствие их деградации и патологии.

Впервые эту мысль высказал М. Миллер, охарактеризовав миф как "болезнь языка". Не все из лингвистов ее разделяли, но позже, в XX веке, она была распространена и на общество, приверженность которого мифам воспринималась как болезнь, аномалия, общая патология и деградация [См.: 2, с.112-128, 188-211]. Слов нет, отдельные мифы могут выявлять патологию, но сами попытки подать современное проявление мифа как своеобразную патологию, вредную для общества мутацию, неверно уже постольку, поскольку односторонне. И если рассматривать патологию как изменения в обществе в результате его аномального развития, придется признать, что с точки зрения этого развития происходящие в обществе процессы еще не есть аномалия. Все зависит от точки зрения и отношения к происходящим процессам. Ведь тогда любой факт приспособления к новым историческим условиям с точки зрения старых условий, любая борьба за новую норму в изменившихся условиях с точки зрения старой нормы будет восприниматься как патология. С другой стороны, все новое в обществе относится к старому как к "болезни" и аномалии, с

которой надо непримиримо бороться. Тогда как речь может идти всего лишь о кризисе ориентиров и нормальной реакции на ненормальные условия.

Отсюда понятно, что способность общества к мифотворчеству скорее показатель не его болезни, а, наоборот, духовного и психологического здоровья, его нормальной реакции на меняющиеся социальные условия, его способности творчески воспринимать меняющуюся действительность и психологически приспособляться к ней. А язык просто озвучивает и отражает эти процессы в приемлемых для него формах.

Впрочем, не будем отрицать, что возникновение определенных мифов может свидетельствовать не только о здоровье, но и о болезни общества, неких его патологиях. Но происходит это при условии, что мифы строятся на ксенофобии, взаимной ненависти и вражде, попытках самоутвердиться за счет других, отвернуться с помощью мифов от решения насущных социальных и политических проблем, противопоставив себя остальным, и пытаясь решить свои проблемы за их счет.

4. Миф аполитичен и реакционен. Революция и миф несовместимы.

Наиболее ясно и определенно эту мысль высказал выдающийся французский семиолог Р. Барт. По его мнению, "Миф и Революция исключают друг друга" [4, с.116] потому, что миф аполитичен и внеполитичен, он есть "деполитизированное слово" [4, с.112], и лишь уклон в революции связаны с мифотворчеством.

Такое утверждение оказалось для Р. Барта возможным, поскольку, работая над изучением мифа, он увидел в нем лишь способ закрепощения, консервации действительности, но не заметил его способности к миропреобразованию. Он не понял тогда, что неизменность Природы не отрицает постоянной изменчивости ее отдельных частей и элементов. И потому мифы присущи так же свойственному ей уже установившемуся порядку, как и неизбежному для нее преобразованию. В любом обществе существуют мифы левые и правые, прогрессивные реакционные, либеральные и консервативные, политические и культурные, космогонические и бытовые, мифы порядка и мифы революционных преобразований. По Р. Барту любые взгляды, любое мировоззрение настолько мифологизировано, насколько аполитично и антиреволюционно. Но история XX века, наглядно и убедительно показала, что миф и революция неотделимы.

Второе утверждение Р. Барта, что "миф есть деполитизированное слово", так же односторонне и необоснованно, как и первое. Ведь в действительности мифу присущи разные свойства и функции. В том числе деполитизация и политизация. Более того, в реальной жизни вся сфера политики мифологизируется, причем, как и любая другая сфера жизни и деятельности человека. В ней всегда были свои мифы и антимифы, своя мифология и антимифология. И потому исключение мифа из сферы политики довольно наивно, опростетливо и недальновидно.

5. Миф вреден, так как лжив; он искажает, деформируя реальность; он неестественен и уводит людей от реальности, являясь средством манипуляции сознания.

Что миф – ложь, вымысел, надувательство, "система ложных, извращенно понятых массами фактов" [5, с. 13], продукт суеверия и обмана, следствие недоразвитости и необразованности людей (детский уровень восприятия), говорят давно. Так еще французское Просвещение рассматривало мифологию как продукт социальной недоразвитости, суеверия, невежества и обмана, противостоящих истинным знаниям и реализму. Напомним, что их истина, так ярко воплощенная в делах и идеях Французской революции с тех пор находится под сомнением, как и то, что они ставили под сомнение сами. И как иронично заметил Й. Хейзинга: "люди оказались не столь разумными, как наивно внушал нам светлый XVIII век в своем почитании Разума" [Цит. по: 2, с.5]. И не тот ли это случай, когда упрощение сделанное по недомыслию и для удобства понимания воспринимается как истинное положение вещей?

Желая сгладить крайности, отдельные исследователи, правда, допускают, что "при спокойном развитии событий сам по себе исторический миф не является злом, будучи неотъемлемой частью любого общественного сознания" [105, с. 69]. Исходя из этого, получается, что с мифом можно мириться, если в обществе все стабильно, но в тяжелые времена он несет зло и становится опасен. В действительности, в периоды тягот и перелома возрастает не опасность, а само воздействие мифа, что действительно может быть для общества довольно опасным. Но каким оно будет, уже зависит от тех, кто и как будет его использовать.

Немало сделал для компрометации мифа и Ролан Барт. Так ему принадлежит разработка взгляда на мифы как на нечто произвольное, неестественное, "взгляд извне", в результате действия которых истинный смысл уходит, теряется, похищается превращаясь в пустой символ (т. н. "похищение языка" – ложное бытие слов) [См.: 4, с.98-121]. Исходя из этого, он поставил перед собой задачу раскрыть знаковые механизмы, чтобы дискредитировать их, чтобы из описательной семиологии стала критической. Но, впрочем, его критика потерпит полную неудачу, так как "к сожалению реальность и миф не испытывают друг к другу никакой антипатии" [4, с.104-105]. И странно удивляться этому, ведь на самом деле (и сам Р. Барт позже это признает):

- мифологизация приводит не к утрате, а к наделению вещей и явлений новой, не свойственной им при конкретно-практическом рассмотрении значимостью, когда вещи не теряют своих исторических свойств, не лишаются своего человеческого смысла, но обретают нечто чувственно-одухотворенное, придающее им некую духовную значимость, приобщающее их к представлениям людей о всеединстве и вечности. Вещи и явления в результате их мифологизации не утрачивают своих свойств, не лишаются своей историчности, но обретают то, что может эту историчность собой заслонить;

- любые попытки убежать от мифа, обычно, быстрее всего приводят к его утверждению (только в иной форме). И ответом на вопрос: "сумеет ли человечество избавиться от мифов?" - стал миф об изживании мифологии демократическим обществом;
- там, где одни видят вред, другие видят неисчерпаемые ресурсы духовности, красочность многообразия бытия и волю к обновлению.

6. Миф существует только в условиях тоталитаризма. Миф в целом есть следствие тоталитарных режимов, так как они создают питательную среду для их существования. В демократическом обществе миф не выживает.

Мнение, что мифы в условиях демократии не приживаются, но зато процветают в тоталитарных государствах [См.: 2, с. 11], стало особенно популярным в последние 10-15 лет, когда борьба против "советского тоталитаризма" сводилась в основном к борьбе против его мифов. Согласно данной точке зрения:

- мифология "связана с любыми антигуманными, несправедливыми поступками, которые чужды демократическим государствам" [Там же];
- в случае преобладания мифов "обществу грозит опасность, его государственный строй может в любой момент перейти в диктатуру", "гибкость общества исчезает и его развитие превращается в застои" [Там же].

Этой позиции, правда, противостоит другая, где утверждается, что миф расцветает в условиях именно "демократии", а не тоталитаризма, так как:

- тоталитаризм, в отличие от демократии, не нуждается в манипуляции сознанием, и, значит, в своих мифах, ибо основан на прямом давлении [См.: 6, с.34 – 36];
- научно-технологическая революция XX века создала "предпосылки для еще более изощренного подавления личности и оболванивания человеческой массы" [2, с. 58].

Как видим, у тех и других есть свои аргументы, но они основаны на крайностях. Нам же остается констатировать, что "демократические общества" (впрочем, как и "тоталитарные") заинтересованы в том, чтобы их мифы не распознавались.

7. С мифом можно бороться с помощью науки.

Мнение, что с мифом можно бороться с помощью разума, науки, логических доказательств, существует еще со времен Просвещения. В качестве его обоснования обычно выдвигаются следующие аргументы:

- миф – иррационален, строится на вере и опирается на подсознание, а наука – логична, рациональна, подвергает сомнению и опирается на опыт и факты;
- "при общей схожести инструментальных форм рациональности мифа и науки в культурном пространстве, миф по сути, как субстанциональное явление иррационален, неподвластен разуму, а, следовательно, ограничивает его продвижение к истине" [6, с.12];
- "мифологический синкретизм сознания разрушается при переходе к рефлексивной (дискурсивной) деятельности разума" [Там же]. Иными словами, человек мыслящий, разумный свободен от мифов, ибо разумная деятельность в принципе разрушает мифологические основы сознания.

Такие утверждения крайне наивны и односторонни. Сплошная околонучная мифология, о которой еще упоминал А. Ф. Лосев [3, с. 227]. И примером тому могут служить уже упоминавшиеся времена великих революций, когда официально провозглашался культ разума, и казалось, что под воздействием великих научных открытий туман мифов рассеется, и солнце разума взойдет, что торжество науки приведет к исчезновению мифов. Но надежды позитивистов XIX - XX веков на вытеснение мифологии наукой явно не оправдались. И это не удивительно, поскольку бороться с мифом научными методами бесполезно, но зато можно в режиме мифа с помощью другого мифа, так как:

- изжить миф в принципе нельзя, а рациональные доводы убедительны и логика действенна лишь тогда, когда они подкреплены наличием или отсутствием веры, а также когда миф потерял свое обаяние, не выдержав испытание реальностью;
- исследователь, развенчивающий миф, не принимающий его, критикующий, отвергающий, на деле не становится нейтральным, находясь над историческим процессом, но активно включается в него, принося и отстаивая свой миф.

Интересна в этом плане эволюция по отношению к мифу уже упоминавшегося Р. Барта. Так, исследуя миф повседневности, он пришел к выводу, что убить миф нельзя, но освободиться от него, объяснив его, разрушив его знаки, можно. Но его собственный опыт разрушения мифа, к счастью для него самого, оказался неудачен. В результате ранний Р. Барт - "формалист", разоблачавший мифы и возмущавшийся деформациями, к которым приводит мифотворчество, утверждавший, что миф отрицает категорию истинности [4, с.111-112] и призывавший с ним бороться, уходит. А вместо него появляется другой, поздний Р. Барт, готовый мифами наслаждаться, воспевая "любовь к истине, заключенной в мифах" [4, с. 360], и уверяя, что лично он "готов дойти до того, чтобы наслаждаться деформациями (курсив – Р. Б.) языка, что будет встречено негодующими воплями общественного мнения, ибо общественное мнение всегда выступает против "деформации природы" " [4, с. 492].

8. Миф изжил себя. Его вытесняет сознательное, рациональное, научное мышление.

В какой-то степени это положение уже было серьезно поставлено под сомнение в предыдущих разъяснениях. Но кое-что следует здесь подчеркнуть особо. Так, следует учитывать, что:

- миф, мифотворчество присущи человеку, его психике на всех этапах его развития, и потому не могут быть изжиты в принципе, но конкретные мифы, вызванные потребностями определенного времени,

уходят, когда их время истекает, а на их место приходят другие. И в новых исторических условиях одни мифы "тонут", а другие "всплывают" из глубин общественного сознания;

- рациональное (научное) и иррациональное (мифологическое) мышления противопоставленные друг другу в традиции техногенного общества, на деле значительно более взаимосвязаны, чем может показаться. При этом они могут дополнять друг друга, но не могут заменить, так как для достижения поставленных перед ними целей пользуются разными средствами. Сказать же, какие из них более эффективны, совсем не просто, ибо "случается, что миф, играя, поднимается до высот, куда за ним не в силах последовать разум" [1, с.212].

Итак, подводя итог, можно констатировать, что любые крайности, к тому же освященные традицией, не способствуют лучшему пониманию мифа. В основе их – позиция, не учитывающая многогранность мифа, его универсальность; попытка опираться лишь на одно из его свойств (качеств), на одну из его сторон. В результате эти исследователи видят миф таким, каким хотят видеть. Вот почему уместно, вслед за Р. Бартом, поставить вопрос о существовании мифологии самого мифолога.

Одна из основных причин такого поверхностного отношения к мифу заложена в традиции воспринимать его в определенном данной традицией ключе, и не как не иначе. Действительно, традиция играет в жизни любого общества великую роль. Она устанавливает, диктует, предписывает, навязывает. В результате миф становится заложником определенной традиции восприятия; определенным образом "воспитанной" мысли. Правда, в конкретных условиях, он сам успешно использует традицию в борьбе против других мифов. И в тех случаях, когда мы сталкиваемся с этим, особенно видно, что любая мифологизация окружающего мира – проверка пригодности, а не истинности своего видения. Впрочем, что считать истинным сегодня, как правило, решает все та же традиция.

Такое пренебрежение мифом приводит к его принципиальной недооценке и к ряду заблуждений, которые заводят исследования в тупик, не позволяя увидеть миф во всем его неисчерпаемом и красочном многообразии. Не дают понять всю силу его воздействия, тем более сильного, чем более явной и тотальной по характеру является роль в обществе информации.

Исследование социально-политического мифа – еще в начале пути. Ведь только сейчас возможен переход от исследований общего характера к исследованиям, позволяющим рассмотреть отдельные аспекты мифа, его роли в обществе более глубоко. Одним из таких направлений является изучение функций мифа во всем их многообразии.

Источники и литература

1. Хёйзинга Й. Homo ludens. Человек играющий / Пер. с нидерл. - М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. – 352 с. - (Серия "Психология без границ").
2. Мифы и мифология в современной России / Под редакцией К. Аймермахера, Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюгова – М.: АИРО-XX, 2000. – 216 с.
3. Лосев А. Ф. Самое само: Сочинения. - М., ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс, 1999. - 1024 с.
4. Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. – М.: Изд. группа "Прогресс", "Универс", 1994 – 616 с.
5. Мишучков А. А. Специфика и функции мифологического сознания // Credo. - Оренбург, 2000. - № 6(24). – С. 11-23.
6. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. – М.: Алгоритм, 2000. – 736 с.